Восток — Запад

Т.П. Григорьева

Ицзин и современность

Разум есть мистика для рассудка.
Шеллинг

Книга Перемен — приобщение к Пути

Несколько слов об *Ицзине* — Книге Перемен. Чем вызван повышенный к ней интерес? Одна за другой выходят работы об *Ицзине*, о *Дао* («Дао физики», «Дао математики», «Дао Юнга»). К.Г. Юнг назвал *Ицзин* «Книгой мудрости», а Герман Гессе считал, что *Ицзин* может изменить нашу жизнь. Не потому ли, что Книга Перемен содержит схему, или код мирового развития? Этот код обусловлен взаимодействием двух вселенских энергий — *инь-ци* и *ян-ци*. Нет того, в чем не было бы *инь-ян*, от клетки до галактики, ибо они заложены в природе вещей. Одно есть оборотная сторона другого, все двуедино: покой-движение, темное-светлое, правое-левое, интуиция-логика, чувство-разум, пространство-время, женское-мужское.
Их взаимодействие обусловлено законом Природы: одно убывает, другое прибывает (как тьма-свет, ночь-день), но связь между ними не прерывается — они присутствуют друг в друге. Если нарушено их взаимодействие, одно угнетает другое или отпадает от него, то нарушается равновесие, начинаются катаклиз-

мы. От избытка *инь* или *ян* в организме человека или общества начинается заболевание, сбои энергии, аритмия. Избыток *ян* приводит к изменению ее качества: из светлой, творческой энергии она превращается в хаотичную, разрушительную — в низшее *ян*. То же самое с *инь*. От избытка *ян* (огня) возникают пожары, от избытка *инь* (воды) — наводнения, в чем убеждают нас участившиеся стихийные бедствия, которые имеют свое объяснение. Книга Перемен и посвящена тому, чтобы подсказать человеку, как нужно вести себя в той или иной ситуации, чтобы не усугубить ее, не вызвать негативную реакцию.

Весь цикл Перемен обозначен 64 гексаграммами (*гуа*): графическим изображением целых — *ян*ских и прерванных — *инь*ских черт, по шесть в каждой гексаграмме. (Предполагают, что впервые их зафиксировал, наблюдая небесные знаки, первопредок Фуси в 3-м тыс. до н.э.) Кроме первых двух гексаграмм: абсолютное Творчество, Небо — шесть целых черт; и абсолютное Исполнение, Земля — шесть прерванных, остальные состоят из смешанных в разном соотношении черт, в зависимости от характера наступившей ситуации. Афоризмы и прилагаемый комментарий («Десять крыльев») помогают понять значение каждой гексаграммы и вести себя соответствующим образом: или решительно, в стиле *ян*, или пребывать в *инь*ском покое, пока неблагоприятная для действия гексаграмма не сменится следующей. Сообразное поведение (то, что теперь называют «обратной связью») дает возможность не нарушить Путь и без лишних потерь выйти на следующую фазу Эволюции. Перемены не зависят от человека, идут своим чередом, но человек зависит от них, подвержен тем же изменениям. Однако ему дан сердце-разум, который позволяет проскочить пороги и не отпасть от Пути, направляющего все сущее к Благу. Знание Перемен учит человека соизмерять свои возможности, не опережать Время, чтобы не выпасть из Бытия, не тешить себя иллюзиями, что можно изменить ход событий, покорить Природу, с которой он связан всеми фибрами своей души. Вне Пути, предназначенного миру и каждому существу, все теряет свою природу, обречено на вымирание.

Итак, Книга Перемен учит считаться с вечными законами, которыми последние века европейский ум пренебрегал, за что и расплачивается издержками техногенной цивилизации. (Теперь кто только не говорит об экологической катастрофе.) Учит чувству всеродства, сообразному действию (японцы называют это «ситуационной этикой»), что позволяет не разрушать среду обитания и не испытывать чувство отчуждения от мира и от себя. А еще Книга Перемен говорит о том, что один цикл завершается другим, но прошедший Путь сполна достигает Просветления, о чем свидетельствуют две первые гексаграммы Ицзина — высшее Творчество предполагает высшее Исполнение. Прошедший Путь, с его взлетами и падениями, укрепляется в Духе, становится Целым человеком, Триединым с Небом и Землей, способным вывести сущее к Гармонии. Так что не только человек нуждается в знании мировых законов, но и мир нуждается в человеке. Но если человек не выполнит своего назначения, то Небо будет искать себе другого Исполнителя. Вот чему учит Книга Перемен.

Мир, проходя через Перемены (*И*), самоорганизуется. Перемены предустановлены Небесным Путем—*Дао*, и человек не может с ними не считаться. Если человек ведет себя сообразно, его минуют напасти, он будет продвигаться к совершенству. Если человек не считается с характером Перемен, нарушает предустановленный ритм *Дао*, моральный Закон, то выпадает из Бытия как не имеющий к нему отношения, не соответствующий замыслу Неба или закону Целого.

В древнем комментарии, одном из «десяти крыльев» к Ицзину, «Шогуа-чжуань» сказано: «В древности совершенномудрые создали (учение) о Переменах, чтобы следовать Законам (*Ли*), предустановленным изначальной природой (*Син*). Установили Путь Неба и назвали его *Инь-Ян*. Установили Путь Земли и назвали его Мягкость-Твердость. Установили Путь Человека и назвали его Жэнь-*И* (Человечность-Справедливость). Соединив эти три потенции, сдвоили их. Потому в гексаграмме шесть черт. Различая *Инь-Ян*, поочередно прибегали к Мягкому-Твердому»[1].

В этом суть. Все недвойственно, непротиворечиво. Скажем, нет Справедливости без Человечности и наоборот. Все пять моральных Постоянств (*у чан*), свойственных изначальной природе — *Син* (Человечность — *Жэнь*, Благожелательность — *Ли*, чувство Справедливости — *И*, Мудрость — *Чжи*, Искренность — *Синь*), взаимообусловлены, одного нет без другого. Так же недвойственны покой-движение (притом что «Покой есть главное в движении», по Лаоцзы). Само движение двуедино, идет туда-обратно (*шунь-ни*), избегая гибельной односторонности: *инь* прибывает, *ян* убывает, *ян* прибывает, *инь* убывает, — в человеческих делах так же, как в Природе. И все совершается в предустановленном Порядке: *инь-ян* не сталкиваются, не вступают в борьбу, а поддерживают друг друга в круговороте Перемен. Этот естественный тип связи обеспечивает пульсацию Жизни на лю-

[1] Книга Перемен цит. по: Сочинения китайской классики. В 20 т. Т. 1. Токио, 1966. С. 565.

бом уровне макро- и микромира, галактики и цветка. (Потому возрастает интерес к Книге Перемен и в науке: приобщаясь к Пути, она преодолевает обособленность от остального мира, чему свидетельство — поток книг на эту тему, начиная с «Дао физики» Ф. Капра.)

«Чему должно прийти, приходит»

Мир разворачивается из Великого Предела, или Беспредельного (*Тайцзи*)[2], из Великого Единого (*Тай И*). Изначально *инь-ян* пребывают в Покое *Тайцзи* как в зародыше, начинают взаимодействовать под влиянием внутренней причины (скажем, разницы потенциалов). Проявляясь, *инь-ян* не распадаются, а, сохраняя память о своем лоне, предрождении, присутствуют друг в друге. Приходя во взаимодействие, не сталкиваются, не противостоят друг другу, что делает каждую пару реальным или потенциальным целым. То есть не борьба противоположностей лежит в основе развития, как думали мудрейшие из греков, а сотрудничество. (Если бы действовала одна лишь «борьба», воля к власти — «архе», то давно бы все уже исчезло с лица земли. И необходимость разделения на субъект и объект существует до какого-то Предела, судя по современному беспределу[3].)

В отличие от греческой парадигмы, унаследованной западным миром, *инь-ян* не сталкиваются даже в ситуации Упадка (*Пи* — 12-я гексаграмма), а расходятся: легкое *ян* тянется кверху, а тяжелое *инь* — к земле. В других случаях преобладает одно или другое, определяя характер ситуации, но *инь-ян* не противоборствуют, как не могут противоборствовать день и ночь. Более того, присутствуя друг в друге, ведут сущее к Благу. «Одно *инь*, одно *ян* и есть Путь. Кто следует этому, идет к Добру (*Шань*). Кто осуществляет это, проявляет изначальную Природу (*Син*)»[4]. Это часто цитируемое место понимают нередко однозначно, как чередование *инь-ян*, что противоречит многомерности самой модели: *инь-ян* не только чередуются, но взаимодействуют, присутствуя друг в друге, и когда присутствуют на равных, один к одному, то сообщаются с Духом (*Шэнь*), и наступает Расцвет (*Тай*, 11-я гексаграмма).

Самим Переменам присуще движение к лучшему порядку: «Учитель сказал: Как совершенны Перемены! Благодаря им возвысилось *Дэ* совершенномудрых и широко распространилось его действие. Ум тянется кверху, *Ли* (Ритуал) книзу. Поднявшееся кверху уподобилось Небу, опустившееся вниз определило правила Земли. Когда Небо и Земля в соответствии, между ними происходят Перемены. Животворящая Природа — врата к Пути Справедливости *(И)*»[5].

Что же позволило древним узреть вечные законы, над которыми уже сколько веков бьются лучшие умы человечества? Не то ли, что

[2] Впервые понятие Тайцзи появляется в Сицычжуань: «Перемены имеют Великий Предел» (1, 11), что можно понимать и так, что Перемены направляются к благополучному завершению.

[3] «Правильно мыслить, — писал Аристотель, — значит разделять разделяемое и соединять соединяемое». А Чжуан-цзы скажет: «Где есть разделение, там есть становление. Где есть становление, там есть разрушение. Все вещи, хотя и проходят через становление и разрушение, пребывают в Едином. Потому совершенный, зная это, хранит Постоянство» (Чжуан-цзы, гл. 2).

[4] Сицычжуань, 1, 5. Речь идет об абсолютном Добре, присущем изначальной Природе, Небесному Дао. Как сказано в японском комментарии: «Кто осуществляет это, реализует Небесный Путь. Т.е. человеческая природа изначально Добра, как она Добра у Конфуция и Мэн-цзы» (Сочинения китайской классики. Т. 1. С. 489—490).

[5] Сицычжуань, 1, 7.

люди древности (которые, согласно Платону, «были умнее нас») имели светлую, тонкую энергию (*Цзин*), которая позволяла видеть невидимое, слышать неслышимое, проницать Истину[6].

В древности Баоси (Фуси), ван Поднебесной,
Глядя вверх, всматривался в образы Неба.
Глядя вниз, наблюдал законы Земли...
Благодаря этому составил восемь триграмм.
Имея дар (дэ) духовного проницания,
Разделил свойства вещей на роды[7].

Но если Перемены сами по себе ведут к лучшему порядку, то не нужно мудрствовать, а нужно лишь вверить себя Пути:

Учитель сказал: Зачем Поднебесной размышления!?
Разные Пути ведут к Одному.
Многие размышления возвращают к Единому.
Зачем Поднебесной Размышления!
Солнце заходит, Луна восходит. Луна восходит, Солнце заходит. Солнце и луна двигают друг друга и рождается
Свет... Чему должно прийти, приходит. Тому нужно довериться.
Доверие и терпение рождают Благо[8].

Если Перемены заданы, то человеку разумно следовать им, взяв за образец Недеяние (*Увэй*). Но это не бездействие, не пассивное отношение к происходящему, а действие, согласуемое с Путем, что предполагает *со*-участие, причастность к событиям[9]. Потому Лаоцзы и говорит: «*Дао*, непрестанно, осуществляет Недеяние, и нет того, что бы не свершалось». И дальше: «Небытие проникает везде и всюду. Вот почему есть польза от Недеяния. В Поднебесной нет ничего, что можно сравнить с учением без слов и пользой от Недеяния»[10]. Сам язык Книги Перемен афористичен — язык символа требует проницательного ума, способного расшифровать небесные знаки, чтобы избежать неверного шага, не попасть в беду. Сама недоговоренность, неоднозначность текста стимулирует встречную мысль, интуицию, способность резонировать на происходящее, следуя Срединным Путем. «Крайность — к несчастью», — предупреждает Ицзин.

Если Порядок задан, то человеку не нужно переустраивать мир, как полагали греки и их последователи, сотворившие техногенную цивилизацию. По учению китайских мудрецов, не Хаос, а Порядок

---

[6] Этот высший тип тонкой энергии, согласно Лаоцзы, присущ Небесному Дао: «В таинственной глубине Дао скрыта чудесная духовная энергия (*Цзинци*). В ней высшая Истина (Искренность — *Синь*), в ней творящий Свет» (Даодэцзин, 21).

[7] Сицычжуань, 2, 2. Собственно, и другие религиозные учения говорят о том же, что после какого-то вселенского проступка (грехопадения) человеческое сознание теряет свою проницательность. И ум современного человека, говорят ученые, задействован в лучшем случае на 10%. Не для того ли, чтобы, осознав свою вину перед миром, он преобразился, и тогда вернется к нему полнота ума.

[8] Сицычжуань, 2, 5.

[9] Присущее этому мышлению единство субъекта и объекта подметил датский физик Нильс Бор, сделавший модель Тайцзи своим гербом: «...Мы должны обратиться к совсем другим областям науки, например к психологии или даже к особого рода философским проблемам; это те проблемы, с которыми уже столкнулись такие мыслители, как Будда и Лаоцзы, когда пытались согласовать наше положение как зрителей и как действующих лиц в великой драме существования» (*Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. С. 35).

[10] Даодэцзин, 37; 43. Недеяние — то, что христиане-исихасты называли «умным деланием» в святом молчании.

лежит в Основе мира. Изначальной энергии (*юань ци*), Небесному *Дао* присущи Свет и Гармония, хаос же усугубляется неразумными людьми, нарушающими порядок Перемен. В китайском языке не было понятия «хаоса», а было понятие смуты, беспорядка, производимых нерадивостью, своеволием людей[11].

Если мир не упорядочен сам по себе, его должен упорядочить человек «разумный и деятельный», призванный переустроить мир. Человек этот, далекий от совершенства, возомнил себя центром Вселенной. Фактически он задумал сделать то, что приятели сотворили с Хунь-Дунь, т.е. уподобить мир себе, приспособить его к своим нуждам, в соответствии со своим представлением о должном. И все пошло наперекосяк: средство и цель поменялись местами[12]. Это предвидели мудрейшие из философов и святые отцы. Плотин, Бог которого и есть Единое, узрел в двоице Пифагора первое различие и «дерзость», что стало причиной распадения Единого на множество; а так как ум отпал от Единого, отпала от ума и душа.

И св. Августин сокрушался: «Если бы Адам не отпал от Тебя, не излился бы из его чрева этот морской рассол, род человеческий, предельно любопытный, неистово надменный, неустойчиво шаткий»[13]. А в Ицзине сказано: «В *ян* первично Одно, а двоица — вторична. Это Путь *цзюньцзы* (благородного человека). В *Инь* первична двоица, а Одно — вторично. Это Путь *сяожэня* (мелкого человека)»[14]. (Т.е. потребность раздвоения, противостояния — признак неразвитого ума.)

Разница двух мировых Путей предустановлена законом Целого (функциональной асимметрией), но осуществление Пути зависит от человека, «меры вещей» (в гегелевском смысле: «Каков человек, таков и мир»). Разделив мир на субъект, распорядителя, и объект, этому распорядителю подвластный, человек нарушил моральный Закон Пути. Создав великую науку и искусство, греки вознесли себя до Бога, поставив часть на место целого, устремились в беспредельное, забыв о необходимости обратного движения — во избежание односторонности. В результате попали в ловушку несовместимости свободы и необходимости.

И такие философы, как Шеллинг, признавали причину трагизма жизни в раздвоенности сущего, в «борьбе свободы в субъекте и необходимости объективного». Притом то и другое представлялось одновременно «победившими и побежденными — в совершенной неразрешимости».

Собственно, все видные философы последних веков озадачены неустойчивостью мира, прогрессирующим процессом распада, в который втянут и сам человек. Потому назвали сознание «несчастным», а самого человека отчужденным от Природы и от самого себя. И это предвидел св. Августин: «Бог привел все к единому порядку. Этот порядок и делает из мира “единое целое” — universitas. Эту целостность человек “разрывает”, предпочтя ей, из личной гордости и личных симпатий, “одну часть”, “мнимое единство”: он, таким образом, ставит “часть” выше “целого”; достоинством, принадлежащим “целому”, он облекает “часть”»[15].

Так и случилось: часть заняла место целого — и в науке, склонной возводить в абсолют очередное открытие, и в человеческих отношениях, превращающих человека в средство, функцию, в вещь. Вслед за дробным сознанием дробится действительность. Не избегли этой участи и мировые религии, призванные вести народы к единству. Но все, не соответствующее Пути, сходит на нет. Всякий надуманный центр теряет силу, как *не*-сущее, не соответствующее истинному Центру, закону Целого. И *антропоцентризм* не мог не привести к опустошению человека, к потере самого себя, к ощущению покинутости, заброшенности, одинокости, что так потрясло писателей-экзистенциалистов. Всякий центр, объявленный человеком, лишь сбивает с Пути человечество, как это произошло и с идеей мирового господства — присвоенного одним народом права распоряжаться другим. И эта идея не могла осуществиться, как противоречащая Пути, закону высшей Справедливости.

Книга Перемен учит предсуществованию Единого на высшем плане и взаимной обусловленности вещей на феноменальном. И это обусловлено не логикой, изобретенной человеком для своего удобства, а высшим Законом, волей Неба, — внутренней логикой Пути, от которого невозмож-

---

[11] Иногда как «хаос» переводят иероглифы «хунь-дунь», вместе с тем признают, что это означает простоту Дао и субстанциональное единство универсума, целостность, в утрате которых даосы видели мировую деградацию. По этому поводу есть замечательная притча у Чжуан-цзы: желая оказать Хунь-Дунь услугу, два незадачливых приятеля, Опрометчивый и Безрассудный, проделали в нем семь отверстий, как у человека, после чего Хунь-Дунь скончался. (См. размышления на эту тему Е.А. Торчинова. Китайская философия / Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 386. Я же разделяю мысль Чжуан-цзы. См.: *Григорьева Т.П.* Дао и логос (встреча культур). М., 1992.)

[12] Может быть, не случайно у одних возникает идея Великого Предела, пребывающего в покое, положившего начало эволюционному развитию; у других — идея Великого Взрыва сверхплотной точки, которая приводит к скачкообразному, взрывному ритму Истории?

[13] *Блаженный Августин.* Исповедь. XIII, 20, 28.

[14] Сицычжуань, 2, 4.

[15] Примечания к «Исповеди» блж. Августина // Богословские труды. М., 1978. № 19. С. 235.

но отклониться ни вправо, ни влево, как невозможно делить сущее на части. «Одно во всем и все в Одном» — обозначит этот универсальный тип связи чаньский патриарх Сэн Цань (VI в.). Нет того, что не обладало бы целостностью на макро- и микроуровне, а целое не вытянешь в линию, в дискурсивный причинно-следственный ряд. Целое зависит не от рядом стоящего, а от единого Центра, как его ни назови: Дао, Логосом, Божьим Промыслом.

Сами *инь-ян* не есть части Целого, а есть само целое, которое не исчезает из-за присутствия одного в другом, а сохраняет родовую причастность к совершенной полноте *Тайцзи*, — Великого предела. «Неизмеримое *инь-ян* называется духом — *шэнь*»[16]. Японский комментарий уточняет: когда говорят о неизмеримости *инь-ян*, не имеют в виду божество в человеческом понимании. Это нечто непостижимое, тайное. Говоря словами Гумбольдта, «именно там, где достигается вершина и глубина исследования, прекращается механическое и логическое действие рассудка, наиболее легко отделимого от каждого своеобразия, и наступает процесс внутреннего восприятия и творчества»[17].

Лишь целое сообщается с духом, — одухотворенное животворит, дает всему жизнь. Это действительно непостижимо. («Неисповедимы Божьи пути».) Но во все времена мудрецы искали целого человека. «У того, кто следует Пути, целостные свойства. У кого целостные свойства, целостно и тело. Если целостно тело, целостен и дух. Целостность духа есть Путь мудрого»[18]. И дальше — «Храни в целостности тело, бережно относись к жизни, избегай суетных мыслей и станешь совершенным»[19]. Что уж говорить о буддизме! Неделима природа Будды, неделима Дхарма. В последнем слове, уходя в Нирвану, Будда напомнил о сути учения: «Состоящее из частей подвержено разрушению».

Собственно, целостное видение вытекало из представления о Великом Едином, из понимания Пути как не-раздельности, не-противопоставления одного другому. Лишь Срединный Путь ведет к Истине. Как сказано в Чжун-юн (Учение о Середине, 4 в. до н.э.): «Соответствие Центру (Срединности — *Чжун*) называется Равновесием (*Хэ*). В Срединности — великая Основа (Великий корень) Поднебесной. В Равновесии — истинный Путь Поднебесной»[20]. Потому и учили восточные мудрецы более всего дорожить целостностью (*цюань*).

Если Порядок установлен свыше, он не может не иметь высшей цели. Когда два соединяются самоестественно (*цзыжань*), притягиваются друг к другу сердечным откликом, то появляется третье измерение, — единый центр, или вертикальная ось, соединяющая земное с небесным, физическое с духовным. Таков закон *Дао*: лишь Триединое одухотворено, лишь одухотворенное может быть целостным. Таково назначение человека — войти в Троицу с Небом и Землей, чтобы реализовать небесный замысел в земной жизни. Об этом говорится в Шогуа-чжуань и в Сицычжуань: «Как велика Книга Перемен! В ней все сказано о Пути Неба, о Пути Человека, о Пути Земли. Соединив эти Три (*Сань Цай*), сдвоили их. Оттого шесть черт. В шестерке — полнота Триединого Пути»[21].

Значит, человеку предназначено, следуя Переменам, реализовать в полной мере свою изначальную природу (*син*), присущие ей пять моральных свойств (*учан*); стать вровень с Небом и Землей и достичь того состояния, которое обозначено в двух первых гексаграммах Ицзина: совершенное Творчество и совершенное Исполнение в одном лице, т.е. стать целым человеком (богочеловеком, в нашей традиции). Не достигнув же целостности, не реализуешь небесный замысел. И одна из самых благоприятных ситуаций Ицзина — Расцвет (*Тай*, 11-я гексаграмма) сменится другой — Упадком (*Пи*, 12-я гексаграмма). Расцвет обусловлен правильным взаимодействием *инь-ян*: Исполнение-*инь* на должном месте дает возможность энергии Творчества-*ян* реализовать себя, и все начинает процветать. Но не хватает третьего звена — осознавшего себя человека. Потому ситуация Расцвета оказывается недолговечной, ей на смену приходит Упадок из-за действий мелкого человека, сосредоточенного на себе, на своих интересах. Он изо всех сил старается проникнуть наверх, занять не соответствующее ему положение. И в тексте сказано: «Путь ничтожеств — расти, а путь благородного человека умаляться». Туань-чжуань комментирует: «Упадок — это неподходящие люди. Неблагоприятна благородному стойкость. Великое отходит — малое приходит. Это значит, что Небо и Земля не связаны и все сущее не развивается»[22].

[16] Сицычжуань, 1, 5.
[17] *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 320.
[18] Чжуан-цзы, гл. XII, Небо и Земля.
[19] Чжуан-цзы, гл. XXIII.
[20] Чжун юн, 4. «Хэ» обычно переводят как «гармония»; это подвижная уравновешенность того, что предназначено друг другу, что соединяется не силовой связью, а откликом, резонансом, общим дыханием.
[21] Сицычжуань, 2, 10.
[22] *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая Книга Перемен. М., 1960. С. 106.

Творчество-*ян* и Исполнение-*инь* меняются местами, что и приводит к перевернутой структуре, к разрыву всеобщих связей. Силы Исполнения (бюрократия), заняв верхнюю позицию, начинают подавлять силы Творчества, созидания, и все приходит в упадок[23].

Но и эта ситуация неизбежно сменится другой, более благоприятной. Эта смена будет происходить до тех пор, пока не преобразится сам человек, не проявятся присущие человеческой природе чувство Справедливости (*И*) и человеческого отношения (*Жэнь*), что поставит Человека вровень с Небом и Землей[24].

Во всем есть две природы, извечная — небесная, светлая, единая; и земная — вторичная, явленная в форме, множественная. Цель человека — преодолеть вторичную природу, замутненную; очистив сердце, познать себя истинного, равного Небу и Земле. Когда человек способен на высшую Искренность, реализует свою изначальную природу, то становится Триединым, Вселенским человеком. «Только [тот, кто] обладает наибольшей искренностью в Поднебесной, в состоянии полностью развить свою природу. [Тот, кто] в состоянии полностью развить свою природу, в состоянии полностью развить природу [всех] людей. [Тот, кто] в состоянии развить природу [всех] людей, в состоянии развить природу [всех] вещей. [Тот, кто] в состоянии развить природу [всех] вещей, в состоянии помочь превращению и развитию [сил] неба и земли. Тот, кто в состоянии помочь превращению и развитию [сил] неба и земли, в состоянии составить с небом и землей триединство», — сказано в Чжун юн[25]. И там же говорится: «Искренность — это Путь Неба» (недаром «Искренность» и «Истина» пишутся одним иероглифом). Даос Чжуан-цзы возвеличивает истинного человека, преодолевшего эго: «Небо и Земля родились одновременно со мной. Видимый мир и Я — одно целое»[26]. Истинный человек, достигая сердечной полноты, сострадая всему, становится бессмертным. Таков Дао — Человек, пребывающий в Постоянстве вселенского Центра. «Достигни предельной Пустоты, утвердись в Покое, и вещи будут сами собой развиваться... Возвращение к велению Неба называю Постоянством (*Чан*). Знание Постоянства назову Просветленностью (*Мин*). Не знающий Постоянства своим неведением творит злое. Имеющий Постоянство — терпим. Терпимый — справедлив. Справедливый становится *ваном. Ван* становится Небом. Небо становится *Дао*. А *Дао* и есть долговечность»[27]. Японцы комментируют Лаоцзы: «если становишься широким, как Небо, входишь в Недеяние *Дао*, достигаешь единства; достигая единства с Недеянием *Дао*,

[23] Конфуций не случайно заостряет внимание на этих антиподах: *цзюньцзы* — благородный человек, думает об Истине, *сяожэнь* — мелкий, ничтожный человек, думает о выгоде. «Цзюньцзы не объединяется в группы, но всеобщ. Сяожэнь объединяется в группы, но не всеобщ» (Луньюй, 2, 14). Потому, когда к власти приходит сяожэнь, он думает лишь о собственом интересе и привлекает нужных людей — во имя свое. И в Сицычжуань говорится: «Учитель сказал: У низких людей нет стыда, нет человечности (*жэнь*). Нет страха, нет чувства долга. Они не ценят добра, их нельзя убедить. Для них нет авторитета, их бесполезно увещевать» (Ицзин. —Перевод В.М. Яковлева. М., 1998. 2, 5. С. 103).

[24] Сам иероглиф *Жэнь* — человек и два — означает, что человеку надлежит быть посредником между двумя, соединять разрозненное. Согласно Чжу Си, «одно *инь*, одно *ян*» потому ведут к Благу, что природе человека присущи *Жэнь* и *И*, естественное сочетание которых и пролагает Путь к совершенному Добру.

[25] Цит. по: Древнекитайская философия. В 2 т. Т. 2. М., 1972. С. 129.

[26] Чжуан-цзы, гл. II, О равенстве вещей.

[27] Даодэцзин, 16.

становишься вечным, бессмертным»[28]. Вера в бессмертие присуща даосам: «[Тот, кто] не позволит просветленности духа и осемененной пневме (*цзин*) уйти и покинуть свое тело, тот не будет знать смерти»[29]. Человек, достигший полноты *Тайцзи*, становится беспредельным, опорой Неба и Земли (Теургом, Богочеловеком).

Целое не может не быть моральным. Не имеющее частей не может существовать за счет другого, подавлять другое, идет ли речь о человеке, или о времени-пространстве (настоящее не поглощает прошлое), или о чувстве-разуме: одного нет без другого, как нет *инь* без *ян* и *ян* без *инь*. Поэтому интуитивный ум во все времена устремлялся к целому, ибо лишь целое истинно, часть всегда зависима, несвободна. «Знай, что мы *целого человека* лишены», — восклицает Григорий Сковорода. А Гумбольдт признается: «Мною движет глубокое чувство того, что все рождающееся в душе, будучи истечением единой силы, составляет одно большое целое и что все единичное, словно овеянное тою же силой, должно нести на себе признаки своей связи с этим целым»[30]. (Не это ли ощущение Единого в единичном породило монадологию Лейбница, притянуло его к *Ицзину*, заставив задуматься о природе *Ли* — внутренней форме каждой вещи и всеобщем Законе одновременно: Единого в единичном?)

Поиски Целого

Что уж говорить о духовной философии России? Путь обозначен в учении Вл. Соловьева о положительном Всеединстве или Бердяева о Свободе, доступной лишь целому человеку. Обожение человека, по Соловьеву, может произойти в его «безусловной целостности, т.е. в совокупности со всем»[31]. По сути, тот же взгляд: «Одно во всем и все в Одном». «Воспринять божество человек может только в своей истинной целости, во внутреннем единстве *со всем*»[32]. И Вл. Эрн в книге «Борьба за Логос» видит цель духовной Эволюции в «полном совпадении *субъективно-переживаемого с объективным порядком* и строем Вселенной». И дальше: «Целое становится целым при допущении, что оно не механическая сумма отдельных частей, отдельных жизней, а живой *организм*, обладающий своим особым центром жизни»[33]. И Николаю Бердяеву явлен образ Целого человека: «Судьба микрокосма и макрокосма нераздельны, вместе они падают и подымаются <...> взаимно они проникают друг в друга... И только человек, занявший место в космосе, уготованное ему Творцом, в силах преобразить космос в новое небо и новую землю»[34].

Известно о близости мироощущения Л. Толстого китайским учениям: «Только держитесь свободы, состоящей в следовании разумному пути жизни, т.е. *дао*, и сами собой уничтожатся все действия, причиняемые вам вашими чиновниками, и станут

[28] Сочинения китайской классики. Т. 6. Токио, 1968. С. 93.

[29] Тай пин цзин. Цит. по: *Юркевич А.Г.* Цзин / Китайская философия. С. 468. Можно вспомнить ап. Павла: «...если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4, 16). Или — «Сеется тело душевное, восстает тело духовное... Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся» (1 Кор. 15, 44 и 51).

[30] *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. С. 176.

[31] *Соловьев В.С.* Учение о богочеловечестве. В 2 т. Т. 2. М., 1989.

[32] *Соловьев В.С.* Духовные основы жизни. 1882-1884. Брюссель, 1992.

[33] *Эрн В.Ф.* Борьба за Логос. М., 1911. С. 177, 250.

[34] *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 91.

невозможны угнетения и грабежи европейцев». Выходят его статьи: «Книги Конфуция», «Великое учение» и «Книга пути и истины» Лаоцзы под общим заголовком «Китайская мудрость».

Сама наступившая фаза Эволюции настраивала на целостное видение, завершение, свертывание отдельного в самостоятельную сущность[35]. Если таково направление Пути, то его обойти невозможно, но можно не осознавать ход событий и двигаться не в том направлении.

Однако не случайно в преддверии XX века возросло число тех, кто предчувствовал грядущее, — чуткие души, вестники нового порядка, пришедшие пробудить спящих. Их голоса раздавались одновременно с разных сторон планеты и находили если не осознание, то отклик в сердцах тех, кто хотел выйти из мутного потока, увлекающего в противоположную от спасения сторону. В то же время не случайно на Западе заговорили о тирании целого, что свидетельствовало о том, насколько трудно менялось сознание, направляемое психологией части. «Принцип исследования — искать целое через составные части — превратился в террористическую практику ликвидации особенного», — признает Жан-Поль Сартр. То же тревожило Хайдеггера, о чем он писал в книге «Бытие и время»: собственное существование растворяется в способе бытия; при неразличимости отдельного «разворачивает Man свою подлинную диктатуру». Эта усредненность, власть обыденного ума, общественного потока не могла не смущать тех, кто знал, к чему этот мутный поток приведет человечество. Потому Н. Бердяев восстал против невиданной формы порабощения человека: «Личность в человеке не может быть социализирована. Социализация человека лишь частична и не распространяется на глубину личности, на ее совесть. Социализация, распространяющаяся на глубину существования, на духовную жизнь, есть торжество das Man, социальной обыденности, тирания средне-общего над лично-индивидуальным»[36].

Не это ли заставило Ницше разувериться во всем и уповать на сверхчеловека? «Проблема: как истощенные достигли того, чтобы стать законодателями ценностей? Или иначе: как достигли власти те, которые последние? Как инстинкт зверя-человека стал вверх ногами?»[37] А Заратустра вещал: «*Я учу вас о сверхчеловеке.* Человек есть нечто, что должно превзойти... Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться в состояние зверя, чем превзойти человека?»[38] Но прилив вынес бы такого человека на тот же берег, как щепку. Шеллинг предвидел, какую угрозу несет с собой сверхчеловек: кто вымолил «существование в сверхчувственном мире, превратится в этом мире в мучителя человечества, неистовствующего против себя и других. За унижение в мире ином он хочет быть вознагражден господством над этим миром. Пробуждаясь от блаженства потустороннего мира, он возвращается в этот мир, чтобы превратить его в ад»[39].

В ложном сплочении частиц человеческой массы Л. Толстой видел корень мирового зла: «Люди, связанные друг с другом обманом, составляют из себя как бы сплоченную массу. Сплоченность этой массы и есть зло мира. Вся разумная деятельность человечества направлена на разрешение этого сцепления обмана.

Все революции суть попытки насильственного разбивания этой массы... но, стараясь разбить ее, они только куют ее; сцепление частиц не уничтожится, пока внутренняя сила не сообщится частицам массы и не заставит их отделяться от нее.

Сила сцепления есть ложь, обман. Сила, освобождающая каждую частицу людского сцепления, есть Истина»[40]. В этом суть: корпоративный человек не может быть свободен, несвободный не может быть подлинным человеком; зло мира, таким образом, — в несвободе, в уподоблении человека безликой части безликой системы[41]. Отсюда и «тирания целого» или части, за-

[35] Это было отмечено П. Флоренским: «С началом текущего века научное понимание претерпело сдвиг, равного которому не найти, кажется, на всем протяжении человеческой истории. Эти два признака суть прерывность и форма... Непрерывность изменений имеет предпосылкою отсутствие формы: такое явление не стянуть в одну сущность изнутри. Эволюционизм, как учение о непрерывности, существенно подразумевает и отрицание формы, а следовательно — индивидуальности явлений» (*Флоренский П.* Пифагоровы числа // Труды по знаковой системе. Тарту, 1971. № 5).

[36] *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. Париж, 1939. С. 50.

[37] *Ницше Ф.* Воля к власти / ПСС. Т. 9. М., 1910. С. 37.

[38] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. СПб., 1911. С. 5.

[39] *Шеллинг Ф.В.И.* Сочинения. Т. 1. М., 1987. С. 85.

[40] *Толстой Л.Н.* В чем моя вера? 1884 г.

[41] «Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя», — повторяет Е. Трубецкой мысль Августина: «Когда человек живет по человеку, а не по Богу, он подобен дьяволу» (*Трубецкой Е.* Умозрение в красках. М., 1916. С. 53). И Бердяева тревожит судьба человека: «То, что сейчас происходит в мире, не есть даже кризис гуманизма, а кризис человека... И прежде всего дегуманизируется моральное сознание. Человек перестал быть не только высшей ценностью, но и вообще перестал быть ценностью» (*Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М., 1994. С. 324).

нявшей место целого; отсюда страх перед этой стихией и стыд за обесчеловеченность, осознание того, что не наладится жизнь, пока человек не обретет свое достоинство.

Собственно, несоответствием человеческого существования сущности человека объясняются не всегда осознанные протесты против насилия, «репрессивного начала», — как движение контркультуры 60-х годов прошлого века или антиглобализма наших дней (так же нередко на подсознании, в аномальных формах: легче увидеть изъяны системы, чем собственные, бороться с видимыми следствиями, чем с невидимой причиной). И все же можно говорить о первом шаге к самоосознанию. По крайней мере, всякое насильственное вторжение в жизнь, в человеческую душу стало вызывать сопротивление, что само по себе символично, знаменует смену мирового порядка по закону онтологической Справедливости, назови это *Дао* или Логосом.

Причина несоответствия сущности и существования — в неизжитом одномерном мышлении. Из поля зрения выпадает высший план Бытия, то Единое, которое всему дает жизнь, без которого все превращается в мертвую схему, о чем неустанно напоминали китайские мудрецы. «Явленное *Дао* не есть постоянное (истинное) *Дао*», — заостряет мысль Лаоцзы. Все имеет две природы: единую, небесную, вечную; и земную, разрозненную, временную, и беда, если человек принимает преходящее за вечное. Земля без Неба обречена на гибель, — напоминает Ицзин. Лишившись духовной опоры («Бог умер» — Ницше, но сказано: «Бог есть Дух»), западная мысль вошла в штопор («и отпала от ума душа»). Кризис духа не мог обойти и науку. Односторонность (то или это, третьего не дано) привела к признанию абсолютной относительности: все неопределенно, исчезает сама материя, которую во все времена считали незыблемой основой сущего (в отличие от китайцев, для которых материя есть временное уплотнение вездесущей энергии *ци*). Исключение составляли великие умы, мало зависимые от времени, такие, как Н. Бор, Эйнштейн, Вернадский; они не сводили сущее к явленному, познание к эксперименту, истину к логике, ощущая единый Закон Бытия.

Физическая картина мира не могла не сказаться на психической, на ощущении краха всех ценностей, распада Гармонии, разрушения Красоты, — самого поля Культуры. Поиск альтернативного пути был неизбежен.

Ицзин посылает помощь

Как же эту ситуацию можно соотнести с Книгой Перемен? Более всего диктатуре массового сознания соответствует предпоследняя, 63-я гексаграмма Ицзина «Уже конец» (*Цзи-цзи*). В тексте сказано:

> *Уже конец.*
> *Свершение.*
> *Малому благоприятна стойкость.*
> *В начале — счастье.*
> *В конце беспорядок*[42].

Что это значит? «Малый» порядок, надо думать, создан «мелкими» людьми во имя свое (тот же иероглиф «*сяо*», что в *сяожэнь* — мелкий, ничтожный человек). И в 62-й гексаграмме «Переразвитие малого» (*Сяо-го*) сказано: «Возможны дела малых; не возможны дела великих». С виду все упорядочено, — «малое», как все конечное, — достигает завершенности, но человек исчезает, ему нет места в этой упорядоченной беспорядочности. Если в основе стабильности лежит малая величина, скажем, частный или групповой интерес, что отличает *сяожэня*, то стабильность превращается в стагнацию, на примере нашей действительности — в «застой».

Застой не может не обернуться хаосом, ибо всякая остановка противоречит Пути. Так что переход к следующей гексаграмме, 64-й, «Еще не конец» (*Вэй-цзи*) был неминуем, ибо кажущийся, не ведущий к Истине порядок приводит к хаосу. Но этот хаос — творящий, он может вывести к порядку, соответствующему Пути. Такой возможности не было в ситуации, обозначенной в 61-й гексаграмме «Внутренняя правда» (*Чжун-фу*), когда только что вышедший из неволи человек не готов еще к свободе, к самостоятельному, разумному действию. «В процессе раздробления возникли отдельные индивидуумы. <...> Но для дальнейшего своего бытия, собственно, чтобы возникнуть в подлинном смысле этого слова, индивидуальное должно быть внутренне самостоятельно, оно должно быть наполнено внутренней правдой»[43]. Т.е. внешняя, преждевременная свобода ни к чему хорошему не приводит, разве что к вседозволенности, делающей хаос необратимым. Однако в человеке уже заложено стремление к внутренней правде, которое может привести к освобождению, как в 64-й гексаграмме. Здесь «хаос рассматривается не как распад созданного, а как бесконечность, как возможность бесконечного творчества <...> как среда, в которой может быть создано нечто со-

[42] *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая Книга Перемен. С. 379.
[43] Там же. С. 373.

вершенно новое. <...> В то время, когда человек проходит через хаос, единственное, на чем он может держаться, это на самом себе, ибо в хаосе не на что положиться. <...> Только стойкость может привести к удачному исходу. Но эта стойкость имеет перед собой не спокойную среду, а возбужденный хаос, и именно против него должен здесь выступать человек. <...> Стойкость здесь является центральной характерной чертой человека. Она сообщает ему благородство. И это благородство, как из некоего центра, может излучаться во все окружение, облагораживая его»[44]. Актуально, не правда ли? И если на эти условия — внутренней правдивости, стойкости, благородства — человек не окажется способен, то его уже ничто не спасет от мировой катастрофы.

На пробуждение сознания нравственной личности рассчитывали и философы России в предгрозовое время надвигающегося XX века. Может быть, раньше и острее других они ощутили, к чему может привести мир отпадение от духовной Основы. Потому и выступили против раздвоенного сознания, одномерности, феноменализма, против «отвлеченных начал» западной мысли, толкающей человека в бездну «меонизма». Увлекаемый рационализмом, техническим соблазном Запад не ведал угрозы, исходящей от линейного порядка. Он опирался не на безусловное Единое, а на условную часть, направлявшую действия людей на протяжении всей человеческой истории. Фактически все войны, все распри, в том числе религиозные, происходили из-за этой искаженной меры, поставившей часть на место Целого. Части, возомнившей себя целым, присуща возрастающая агрессия, обратно пропорциональная уровню сознания, — будь то имперские претензии государств, маниакальность сверхчеловека или воинственность мелкого человека, стремящегося восполнить свою внутреннюю опустошенность за счет других. Слово и логика отпали от единого Логоса, и Вл. Эрн призывает вернуть ему смысл: «Логос есть коренное и глубочайшее единство *постигающего и постигаемого*... Если бы я не видел в рационализме — этом кумире современности — смерти и величайшей духовной опасности, я бы не боролся с ним столь настойчиво и упорно, — пишет он в Предисловии к «Борьбе за Логос» и в конце повторяет: — Нужно осознать мысль в Природе и Природу в мысли. Вернуться к Природе как сущему»[45].

Но *индивидуализация*, предназначенная людям и народам, не может осуществиться при искаженном видении мира, непробужденном сознании, которое знает часть и не знает Целого[46]. «Часть» в принципе не может быть свободной, как и состоящее из частей (о чем уже шла речь). Целое имманентно Бытию, оно не выстраивается, не навязывается извне, а произрастает изнутри, как зерно, если достаточно света. Оно недоступно «зауженному сознанию», «одномерному человеку», который все подчиняет себе — частичному: «быть, чтобы иметь», а не «иметь, чтобы быть» (по Э. Фромму).

---

[44] *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая Книга Перемен. С. 381—383.

[45] *Эрн В.Ф.* Борьба за Логос. С. 318.

[46] Говоря словами Эмерсона, «задача возвращения миру его изначальной и вечной красоты разрешается исцелением души. Те руины, та пустота, которые мы обнаруживаем в природе, на самом деле находятся в нашем собственном глазу. Ось зрения не совпадет с осью вещей» (*Эмерсон Р.* Природа. Цит. по: *Григорьева Т.П.* Новые пророки / Новые пророки. Торо. Толстой. Ганди. Эмерсон. СПб., 1996. С. 41).

Потому Бердяев и утверждал: «Сознание есть “несчастное сознание”. Сознание подчинено закону, который знает общее и не знает индивидуального. Самая структура сознания легко создает рабство»[47].

Сознание, делающее свободу реальной, он назвал *сингулярным*: «Человек, т.е. индивидуальное и, по другой терминологии, сингулярное, экзистенциальнее человечества». Для преображения сознания необходима свобода: «Бог действует лишь в свободе»[48]. Вне Духа нет ни свободы, ни истины, Дух же «знает лишь единичное... экзистенциальная истина в том, что реальное, существующее сингулярно, общее же не реально... царство свободы есть царство единичного»[49]. (Сингулярное теперь бы назвали «голографическим мышлением», когда каждая точка голограммы отражает целое[50].) Т.е. все есть потенциально целое и требует к себе соответствующего отношения. Это и побудило Бердяева сказать: «В результате долгого духовного и умственного пути я с особенной остротой сознал, что всякая человеческая личность, личность последнего из людей, несущая в себе образ высшего бытия, не может быть средством ни для чего, в себе имеет экзистенциальный центр и имеет право не только на жизнь, отрицаемое современной цивилизацией, но и на обладание универсальным содержанием жизни»[51]. Потому и заговорили философы о *прерывности*, чтобы освободить сущее от гнета линейного мышления, дать простор отдельному, возможность самоосуществиться (о чем говорил и П.А. Флоренский). «Каждый перерыв — это та реальная в пределах нашего мира лежащая точка, где два мира: мир “этот” и “тот”, мир сущего и существующего, мир абсолютной свободы и мир причинной обусловленности — соприкасаются в реальном взаимодействии»[52].

При сингулярном сознании, когда центр везде, в каждой точке — все имеет свою душу, — связь осуществляется не соподчинением, не зависимостью одного от другого, а в сердечном отклике, *со*-участии, *со*-чувствии. Одна душа откликается на зов другой души в свободе, или в соборном единстве, нераздельно и неслиянно: согласно Бердяеву, центр «*соборного сознания* находится в каждой личности»[53]. При этом возникает та самая Троичность, о которой говорит *Ицзин*. «Полнота жизни есть соборность, в которой личность находит свое окончательное осуществление и полноту своего содержания. Встреча одного с другим всегда разрешается в третьем. Один и другой приходят к единству не в двоичности, а в троичности, обретают в третьем свое общее содержание, свою цель... Бытие раскрывает свое содержание и обнаруживает свое различие, оставаясь в единстве, потому что есть три. Такова природа бытия, первичный факт его жизни. Жизнь человека и жизнь мира есть внутренний момент мистерии Троичности»[54].

Тогда стоит ли удивляться аналогиям с восточной мудростью? Говоря словами Конфуция, «Великий ум един». Значение этого типа связи, когда одно существует не за счет другого, а само по себе, самоестественно сообразуется с другим, трудно переоценить. Когда

---

[47] *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. (Опыт персоналистической философии). Париж, 1939. С. 219.

[48] Там же. С. 219.

[49] Там же. С. 11.

[50] «Сингулярной», кстати, называют ту сверхплотную точку, из которой образовался мир, что не могло не сказаться на его структуре.

[51] *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. С. 64.

[52] *Эрн В.Ф.* Борьба за Логос. С. 256.

[53] *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. С. 78.

[54] *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. С. 135—136.

осозна́ют, что мир сам по себе сингулярен, или соборен, тогда изменится жизнь. Мир вырвется из сковывающей зависимости, провоцирующей на борьбу. Достигший полноты становится свободным, свободный не посягает на свободу другого, — нет нужды. Это касается и религий: достигая полноты, реализуясь в полной мере, одна религия не противостоит другой, ибо все исходят из одного истока, от единого Бога, и каждая по необходимости отличается от другой и едина с ней, ибо причастна Единому[55].

Россия пробуждалась, тянулась к Свету, и всполошились демонические силы. Но и на Соловках П.А. Флоренский размышлял о Всеединстве и 21 февраля 1937 г. писал сыну Кириллу: «Что я делал всю жизнь? — Рассматривал мир как единое целое, как единую картину и реальность, но в каждый момент или, точнее, на каждом этапе своей жизни, под определенным углом зрения».

Не удивительно. *Дао* — не Бог, но предустановленный Путь к высшему Разуму и Благу. Не это ли позволило Г. Гессе сказать: «Книга Перемен может повернуть всю нашу жизнь»; Нобелевскому лауреату по молекулярной генетике Ф. Жакобу — допустить мысль, что «может быть, именно через древнекитайскую Книгу Перемен удастся установить связь между генетическим кодом и языком»; а нашему ученому С.В. Петухову подтвердить эту гипотезу в книге «Биериодическая таблица генетического кода»[56]?

Целое и есть Истина. Знание интуитивное, полученное в мистическом опыте, не исчезает, ибо извечно (как Логос, *Дао*, Дух). Во все времена мудрецы утверждали, что Истина неизменна и едина, меняются лишь формы ее выражения, — в зависимости от времени и места. Есть вечные истины (идеи Платона), но нет вечного времени в земной жизни. Потому истинные идеи — о Богочеловеке или о Земле обетованной, которые время от времени осеняют светлые души, не могут реализоваться, пока не пришло их Время, или пока само Время не стало Вечностью, но не могут и не появляться. Они и есть конечная Реальность. «Разные Пути ведут к Одному», т.е. лишь разными путями приходят к Единому. (Одинаковые, сдвоенные *инь* или *ян*, нарушая естественный ритм, приводят к заболеванию организма: «Одно *инь*, одно *ян* и есть *Дао*».) Разные Пути ведут к Одному, потому что в центре *инь* присутствует *ян*, а в центре *ян* присутствует *инь*, что и делает возможным их единство и их чередуемость: то одно, то другое набирает силу. Скажем, в западной мысли восходит *инь*ское, иррациональное начало, в восточной — *ян*ское, рациональное. Таков закон Пути. Но то, что раньше было явлено одним мудрецам, становится достоянием мыслящей части человечества, осознавшей Единое в единичном. И хотя этот процесс не может завершиться без преображения сознания, он предустановлен *Дао*, т.е. неминуем. Без знания Востока западная мысль, в том числе научная, не может достичь полноты. Мне уже приходилось писать: «Запад и Восток самопознаются друг в друге».

Реализуются отношения между Западом и Востоком по-разному, в зависимости от того, какое из начал преобладает, *инь*ское или *ян*ское. Скажем, русские философы, о которых шла речь, не проявляли особого интереса к Востоку, к учениям китайских мудрецов, но, исходя из собственного наития, внутреннего чувства, приходили нередко к тем же выводам. На Западе, начиная с американских трансценденталистов, выход из тупика, в котором оказалась потребительская цивилизация, искали в восточных учениях[57].

Известно увлечение Китаем Льва Толстого, но оно свидетельствовало скорее о некоем совпадении душевного настроя, расположенности к Срединному Пути: «Внутреннее равновесие есть тот корень, из которого вытекают все добрые человеческие деяния... Путь неба и земли может быть выражен в одном изречении: “В них нет двойственности, и потому они производят вещи непостижимым образом”». Толстой отдает дань «Учению о Середине» (*Чжун-юн*). «Даодэцзин» Лаоцзы он называет «Писанием о нравственности» и призывает: «Только держитесь свободы, состоящей в следовании разумному пути жизни, т.е. *Дао*...»[58]

Много сделал для понимания мышления китайцев К.Г. Юнг. Он искал в восточных учениях прежде всего ответы на те вопросы, которые позволили бы проникнуть в глубины человеческой психики. Размышляя над *Ицзином*, Юнг пришел к выводу о

[55] Говоря словами преп. Исаака Сирина, «Спаситель многими обителями у Отца назвал различные меры ума водворяемых в оной стране, т.е. отличия и разность духовных дарований , какими наслаждаются по мере ума. Ибо не по разности мест, но по степени дарований назвал обители многими» (Христианская жизнь по Добротолюбию. М., 1991. С. 17).

[56] *Петухов С.В.* Биериодическая таблица генетического кода. М., 2001.

[57] В 1843 г. Генри Торо опубликовал «Изречения Конфуция», а в эссе «О гражданском неповиновении» приводит его слова: «Если государство не следует Пути, то стыдно быть богатым и в чести. Если государство следует Пути, то стыдно быть бедным и не в чести» (Луньюй, VIII, 13). Истинное «Я» для Торо есть индивидуальное выражение всеобщего Духа, заключающего в себе общность индивидуальных сознаний. Взгляды Торо разделял Лев Толстой.

[58] Подробнее я пишу об этом в статье: *Григорьева Т.П.* Новые пророки / Новые пророки.

коренном различии в образе мышления западного и восточного человека, о чем и написал в Предисловии к переводу Книги Перемен: «Кажется, китайский ум занят исключительно случайной стороной событий. Но то, что мы называем случайностью, оказывается главной заботой их своеобразного ума, а та причинность, которую мы превозносим, почти не имеет для них значения. Невидимое действие естественных законов, направляющих эмпирическую действительность, имеет для них большее значение, чем причинное объяснение явлений, которые приходится разделять, чтобы иметь с ними дело... Их, судя по всему, интересует конфигурация случайных событий в момент наблюдения, а вовсе не гипотетические причины, которые якобы обусловили случайность. В то время как западное мышление заботливо анализирует, взвешивает, отбирает, классифицирует, изолирует, китайская картина момента все сводит к незначительной детали, ибо все ингредиенты и составляют наблюдаемый момент... Этот любопытный принцип я назвал *синхронностью*... и он диаметрально противоположен нашей причинности. Мышление древних китайцев рассматривает космос как современный физик, который не может отрицать, что его модель мира есть не что иное, как психофизическая структура»[59].

Юнг называл Книгу Перемен «Книгой мудрости», считая эту мудрость всеобщей, но проявленной в разной степени у разных народов, в зависимости от доминирующих идей и интересов. Он разделял восточную веру в то, что все формы знания есть проявления Единого Разума, не познав который не познаешь себя. Однако то, что восточные мудрецы ставили превыше всего, на Западе пребывает в мире бессознательного, до сих пор не осмысленного. Силой аналитического ума Юнг прозревал Целое, со-ритмию человека и мира, смысл Недеяния, невторжения в законы Природы, и вместе — индивидуальное отношение к тексту *Ицзина* каждого человека.

Его главное стремление — самопознание через узнавание другого, чтобы разрозненное веками могло встретиться, — не подражание, а распознание Единого: «Знакомство с духовностью Востока должно быть для нас не более чем символическим выражением того, что мы вступаем в контакт с действующими в нас самих силами, которые все еще остаются нам чуждыми. Отказ от собственной истории был бы чистым безумием и прямой дорогой к тому, чтобы в очередной раз оказаться оторванным от своих корней. Только обретя устойчивость на собственной почве, мы можем усвоить дух Востока»[60]. (Разве это не согласуется с тем, к чему взывает 64-я гексаграмма Ицзина?)

Фактически Юнг подтверждает универсальность закона «Одно во всем и все в Одном». Но это не то же самое, что «все во всем». Этот тип связи свидетельствует о двух планах Бытия: небесном и земном, вечном и временном, неявленном и явленном. И это чувство «как бы двойного бытия» близко философии и поэзии России, как у Тютчева: «Все во мне, и я во всем», но не близко обыденному сознанию. Сингулярная модель мира недоступна методу анализа и синтеза, методу «объективации». Все центрировано и потому одухотворено. Сингулярности сущего соответствует логика Целого, полноты непроявленного мира[61]. Представление об истинно-сущем обусловило метод познания. Говоря словами китайского философа Чжу Си (1130—1200), «у человека есть духовное знание его сердца, у вещей Поднебесной — их закон *(ли)*... Когда усилия будут приложены <...> все в вещах — их лицевая сторона и обратная, тонкое в них и грубое, — все, как озаренное светом, станет ясным для нашего сердца»[62]. (И это «сердечное знание» предпочтительнее для русской философии.) О логике Целого, или Небытия, позволяет судить и традиционное искусство японцев — чайная церемония, поэзия хайку, и не только, судя по стихам современной поэтессы Румико Коро:

В этом дереве
Есть дерево Небытия;
Его ветви колышатся от ветра.
В полоске синего неба
Есть полоска Небытия,
Ее пересекает птица.
В лике женщины
Есть лик Небытия,
В нем сочится живая кровь.
В этом городе есть город Небытия,
Его площадь шумит, как обычно.

«Дерево»

И разве не близко это прикасание к невидимому миру русскому сердцу: «*...перед лицом небытия — все явления братья.* Мы не решились бы заставить атом поклоняться Богу, если бы это не было в его природе. Но, ощущая себя явлениями среди явлений, мы становимся *причастны мировому ритму*, принимаем его воздействие на нас и, в

[59] *Jung C.G.* Psychology and Religion: West and East. L., 1958. P. 591.
[60] *Юнг К.Г.* Йога и Запад. Киев, 1994. С. 148.
[61] О логике Целого я пишу в статье: *Григорьева Т.П.* Синергетика и Восток / Синергетическая парадигма. М., 2000. С. 227—237.
[62] *Чжу Си.* Перевод Н.И. Конрада.

свою очередь, воздействуем сами»[63]. Это Николай Гумилев. Единичное открывается как Единое, видимое как присутствие Невидимого. «Свобода невыводима из бытия, свобода вкоренена в ничто, в небытие»[64]. Бердяев, выдворенный темными из России, не только не потерял веру в человека, но и этих темных имел в виду, говоря, что «личность последнего из людей, несущая в себе образ высшего бытия, не может быть средством». Верил, что история послана человеку во испытание, искупление грехов, и ее конец означает «новое небо и новую землю». Философов России объединяла вера в Божественный Промысел: «История мира — это органический процесс, и, как бы зло ни торжествовало в промежуточных фазах его, конец, к которому придет он, будет окончательной и вечной победой Добра»[65].

Здесь «все пути сходятся». Сказано: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными. Ему отвечали: мы семя Авраамово и не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: “сделаетесь свободными”?

Иисус отвечал им: истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха»[66].

И что же? Прошло две тысячи лет, и не познали истину, и не стали свободными; поклоняются идолам и враждуют друг с другом до изнеможения. Великие души, ищущие правду, несут на себе гнет их страданий: «Мы устроили всю свою жизнь на тех самых основах, которые Он отрицает, не хотим понять Его учения в его простом и прямом смысле и уверяем себя и других, что исповедуем Его учение»[67]. Грешный, не искупивший своей вины человек не может быть свободным, сколько бы ни обольщался на этот счет. И в этом едины все мировые религии: лишь чистая душа, сердечный разум могут быть свободны. Когда возрастет человек нравственно, тогда и войдет в Разум. Освободившись от самости, найдет свое истинное Я и станет един с другими. «Истина дается лишь свободе <...> духовный мир есть царство индивидуального, единичного, личного, царство свободы»[68], — не устает повторять Бердяев.

Итак, лишь свободной душе доступна Истина. Вне свободы ничто состояться не может. Всякая зависимость, даже от высоких идей, благих намерений, оборачивается несвободой. Это касается и Книги Перемен: слепое следование, зацикленность на ней противоречит ее духу, ибо противоречит Пути. Наверное, когда в самом человеке не будет противостоять то, что дано ему во спасение: левое и правое, разум и чувство, — когда у него будет разумное сердце и умное чувство, — тогда и достигнет человек того, что обещано ему двумя первыми гексаграммами Ицзина: великому Творчеству предназначено великое Исполнение.

А еще проще сказал об этом Лев Толстой: «...самое короткое выражение смысла жизни такое: мир движется, совершенствуется; задача человека участвовать в этом движении и подчиняться и содействовать ему»[69]. Этому и учит Книга Перемен.

---

[63] *Гумилев Н.* Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1. С. 42.
[64] *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. С. 65.
[65] *Эрн В.Ф.* Борьба за Логос. С. 244.
[66] Ин. 8, 32—34.
[67] *Толстой Л.Н.* Исповедь. Цит. по: *Григорьева Т.П.* Новые пророки / Новые пророки. С. 49.
[68] *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. С. 59.
[69] *Толстой Л.Н.* Дневник / Собрание сочинений в 20 т. Т. 20. М., 1965. С. 98.